

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 243 West 56th St., New York 19, N. Y. Tel. CO. 5 - 5500

VOL. L. № 17.134. TUESDAY, FEBRUARY 16, 1960.

ВТОРНИК, 16 ФЕВРАЛЯ, 1960 ГОДА

ЦЕНА 7 СЕНТОВ

Дядя Ваня

Юбилейный спектакль Нового Русского Театра

«Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, медведей реки исчезают безвозвратно чужие пейзажи...».

«Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен»...

Эти строки заимствованы не из академического доклада о современной России, а из написанной в 1890 году пьесы Чехова «Дядя Ваня». Пьеса переделана из драмы, первоначально называвшейся «Леший». Но «Лешего» Чехов не любил и считал эту свою не любовь «ярким случаем извращения родительского чувства». «Леший» был похоронен, но возрожденный к жизни «Дядя Ваня» носит в себе следы первоначального родительского греха. Это не лучшая пьеса Чехова. В ней все еще заметны следы опытов незнакомых с условиями сцены автора. Может быть под влиянием этой неуверенности в себе Чехов назвал «Дядю Ваню» не пьесой, а «Сценами из деревенской жизни в четырех действиях».

«Дядя Ваня», — пьеса, поставленная приблизительно в 1897 году, живет уже шестьдесят третий год и продолжает стоять на всех сценах мира. Как ни странно, но то, в чем больше всего упрекали Чехова — в «Дяде Ване» решительно отсутствует. Принято думать, что герои Чехова в своем большинстве лишние люди. Верно ли это в отношении пьесы, столь популярной?

Наименее активная героиня Елена Андреевна Серебрякова, жена профессора, несет тяжкий крест своего неудачного замужества. При муже — старике, Елена в свои двадцать семь лет, да еще красавица, не только не лишняя человек, а наоборот, жертвенная натура, почти подлинница. Ее вынужденное безделье оправдано невыносимой тяжестью, заботами, и вечными душевными муками от жизни со старым и не любящим мужем. Даже профессор Серебряков, эта назойливая и самолюбивая бездарность, не может считаться лишним человеком, поскольку он все же занимает какое-то место в жизни: работает, пишет, читает лекции по искусству. И уж нельзя назвать лишним человеком Дядю Ваню, в его сорок семь лет, хотя тот и склонен сам себя таковым считать. Жизнь дяди Вани прошла в непрерывном труде. Так же работает и его племянница Соня, труженица и героиня своего долга. Того, что не лишней человек доктор Астров — доказывать не приходится. Мысли Астрова, этого талантливого русского самородка, его философия жизни, как и его практическая работа врача — целиком в плане переживаний самого автора пьесы. Когда Астров осуждает народ за грязь, нечистоту, бездельность, он говорит словами самого Чехова, отражает его сокровеннейшие мысли и мечты. Если Астров — лишний человек, то кем прикажете считать самого Чехова?

Остается еще несколько лиц, участников пьесы: мать дяди Вани, но таких «лишних» матерей в России всегда было большинство, как и старых нянь, освященных еще Пушкиным. И даже Вафля — приживал, обманчивый помещик, и

тот вносит в семью какую-то примиряющую ноту, нечто от хорошего простого сердца. Прав же — все это не лишние, а, наоборот, нужные люди.

Эту беглую характеристику персонажей «Дяди Вани», приходится отметить, чтобы понять, почему через пятьдесят лет после эпохи «лишних людей» пьеса Чехова все же живет и волнует. Тут мы вплотную подходим к толкованию на сцене «Нового Русского Театра» пьесы Антона Чехова режиссером спектакля Варварой П. Булгаковой, питомицей колледи чеховских пьес — Московского Художественного Театра. Булгакова не сочла нужным через полвека останавливать настроения, давно изжитые, аккорды, давно утерявшие свою познавательность. Зачем изображать извещенное, когда настоящее, со всеми чувствами и ощущениями сегодняшнего человека, может и должно одинаково звучать со сцены, где идет пьеса Чехова, хотя бы тот же «Дядя Ваня». Разве сегодня, среди нас, нет людей, жертвенно отдавших жизнь ложно понятой идее, прожитых до старости и иллюзий, и вдруг, на закате дней, при седеющей или лысеющей голове, понимая, что их жизнь прошла в самообмане и бредовых миражах?

Разве мы не знаем врачей, инженеров, адвокатов, которые зарыли в землю в жертву своей служебной профессии таланты из своей другой сферы; не нашедших применения в практической здешней жизни? И кто знает, не живут ли сейчас на родине Астрова, дяди Вани и Елены Серебряковой, корчась в муках душевной неудовлетворенности еще больший чем времена чеховские? Иначе не шли бы пьесы Чехова при неослабном внимании к ним публики. Все эти проблемы чувств, духовных стремлений, жажды оторваться от навязанной жизнью рутины, свойственны и сейчас людям всех материков, всех наций, положений и возрастов, независимо от того, где они проживают: в русской ли провинциальной глуши, или в Нью Йорке.

В. Булгакова изобразила «Дядю Ваню» без растянутых пауз, без тактичных шорохов, без подражаний Московскому родителю пьесы Худ. Театру. Изобразила, не копируя, по своему немногословно, немного даже кустарно, но все душевно искренно, с полным сознанием пионерского характера своей работы. Не зря спектакль оценила публика. Режиссер В. Булгакова эту оценку заслужила.

Иван Петрович Войничский, по пьесе дяди Вани, в изображении В. Стороженко, был именно надломленным, не столько работой, сколько душевным разочарованием, человеком. Играл г. Стороженко просто, правдиво, и без подчеркнутой растерянности перед жизнью, растерянности, которую обычно показывали в этой роли даже опытные ее исполнители. Естественно и психологически верно было нарастание ненависти к бездарному профессору, в конце третьего акта, разразившееся выстрелами. Так же просто передал артист сцены душевного упадка и апатии в последнем акте. В памяти зрителя остается теплый образ дяди Вани в изображении В. Стороженко.

Г. Козловский играл Астрова с сохранением всех деталей этого интимно описанного Чеховым образа. Сцена с картой, любовное объяснение с Еленой, трогательное прощание с ней и несколько иронический тон настроенного пессимистически героя, очень удались артисту. Хотелось бы однако большей характерности во внешнем изображении деревенского доктора. Он ведь возится с мужиками, о которых говорит, хотя и тепло, но с трудной скрывающейся пренебрежением к их быту. Мужики, говорит Астров, «однообразны, неразвиты, грязно живут». Такая жизнь, среди мужиков непонятно отражается. Прилизанность, фразоватость, совсем не к лицу Астрову, но это

все же частности — главное то, что создает правильное впечатление о человеке; которого затягивает болото жизни — передано г. Козловским правдиво и убедительно.

Роль Елены Андреевны Серебряковой трудна тем, что в ней нет движения. Нет и нарастания. Елена непрерывно жалуется, недовольна, огорчена, но в жизни не активна. Это одно из тех условий, когда артисту приходится полагаться на предельное обаяние собственной личности. Хороша, привлекательна внешне актриса — и половина успеха готова. Г-жа Глухарева отвечала и этому требованию сцены и второму — качеству исполнения. Она была обаятельна, тепла и искренна в тоне драматических переживаний.

Р. Яренская, в роли Соии, дочери профессора Серебрякова от первого брака, дала правильный внешний рисунок и ее углубленном и затененном страдании. Не вполне рождая роль вначале, г-жа Яренская в финале окрепла и заключительный монолог провела в потрясающе искреннем тоне с большим душевным подъемом. Обдуманно и детально художественно сыграла К. Дубравина Войничскую — мать. Ведь и в малой роли сказывается дарование, что впрочем признанию и к другим исполнителям малых ролей: В. Аппошанскому, превосходно сыгравшему Телегина, — он же Вафля, и особенно г-же Авчинниковой, с редким тактом и сдержанно — корректно игра-

вшей няню. Преподосколен П. Горин в роли профессора Серебрякова. Трудно убедительнее и ярче изобразить холодную отталкивающую физиономию эгоиста.

Нет никакой тайны в том, что профессиональная работа не по силам актерам в местных условиях. Приходится делить время между тяжелым трудом и служением искусству. Это выражается не только в работе в свободные часы на репетициях, но подчас требует и прямого физического усилия. Актер, перед выходом на сцену, иногда превращается на несколько минут в плотника, столяра, и стучит молотком, забивая гвозди и устанавливая декорации. Можно ли, при таких условиях, оценивать работу «Нового Русского Театра» с другой меркой, кроме уважительной? Тем более, что заслуги театра велики.

Достаточно увидеть открытую сцену в превосходных декорациях Евгения Дунселя, привлекательный осенний пейзаж и великолепный интерьер дома Войничских, такой глубокий как будто художник преодолел пространство, углубил сцену до бесконечности. Постановщик, художник и вся актерская группа создали спектакль достойно отмечавший юбилейную годовщину — столетие со дня рождения Антона Чехова.

Прекрасному спектаклю предшествовало задумчивое и яркое слово о Чехове проф. П. Е. Ершова.

Л. Камышинов